

О. А. Сухарева

Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии

Следы родового строя до сих пор еще могут быть обнаружены в быту народов Средней Азии. Они имеются даже у населения таких крупных центров старой городской культуры, как г. Самарканд, сохраняясь там в виде пережитков, значение которых осознается уже не совсем ясно.

У сельского населения, особенно в глухих уголках, некоторые учреждения, объясняющиеся из условий родового строя, до последнего времени еще не теряли своей жизненности и их влияние можно было бы обнаружить не только в сфере надстроечных явлений, но и в организации хозяйственной жизни. В качестве примера можно упомянуть об обязательном участии родственников в помочи (хашаре), устраивавшейся при некоторых видах полевых и садовых работ; это мне пришлось наблюдать в кишлаке Шахристане (Уратюбинский район) в 1926 г. О ряде таких пережитков сообщает Н. А. Кисляков в своей работе «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло».¹

Однако число таких фактов сравнительно невелико, и в городах, где разложение родовой организации уже давно привело к их полному исчезновению из хозяйственной жизни, основной областью, в которой еще сохраняются пережитки родового строя, являются семейные отношения и свадебные обряды.

У таджиков *heroti*, живущих в Нурабатской части г. Самарканда и ведущих свое происхождение от каких-то, ставших теперь легендарными, выходцев из Герата, наблюдается особо тесная связь племянников с дядей по линии матери. Так, в случае смерти отца и отсутствия старшего брата, могущего явиться воспитателем и опекуном малолетних сирот, эти обязанности берет на себя прежде всего дядя по матери, и только в случае его отсутствия или полной неспособности или нежелания выполнить свой долг они переходят к дяде по отцу.

Значение материнского дяди как самого близкого родственника проявляется и в некоторых свадебных обрядах, например в том, что именно он является обычно «доверенным отцом» (*radar-vakil*) невесты, т. е. человеком, который формально выдает ее замуж. Точно так же сын дяди по матери предпочтительнее перед сыном дяди по отцу садится на лошадь впереди невесты при отвозе ее в дом жениха, а в кишлаках Уташих и Кусохо, расположенных недалеко от г. Самарканда, невесту отвозит в дом жениха сам материнский дядя.

Роль дяди по матери отражается и в погребальном обряде. Так, у таджиков г. Самарканда при положении в могилу женщины ее лицо открывает и обращает в сторону Киблы либо родной брат, либо дядя по матери. Считается, что это ни в коем случае не может быть сделано мужем умершей. Таким образом, самым близким родственником после родного брата оказывается не кто иной, как дядя по матери.

¹ Изд. Акад. Наук СССР. М.—Л., 1936.

Такое значение материнского дяди совершенно отчетливо осознается не только таджиками heroti, но и всем остальным населением г. Самарканда, да и многих других мест. Это сознание очень ярко выразилось в широко распространенной поговорке: «toʻro ʻoʻji haf padar megirad» («дядя по матери стоит ¹ семи отцов»).

Довольно широкое распространение, особенно в глухих уголках, имеет левират, т. е. право, а иногда и обязанность, жениться на жене или невесте умершего брата. При этом, как это наблюдается и у многих других народов, практикующих левират, право это имеет младший брат по отношению к вдове старшего, но не наоборот. Встречаются иногда и сороратные браки, которые практикуются, главным образом, в тех случаях, когда сговоренная девушка умерла до свадьбы или вскоре после нее.

Согласно имеющейся у нас записи, сделанной со слов студента одного из техникумов г. Самарканда, узбека по национальности, уроженца и постоянного жителя кишлака Чиназа, у узбеков Чиназского района категорически запрещались браки с потомством отцовского дяди, причем запрет распространялся на все поколения. До тех пор, пока сохранялась память об общем предке, пока относительно группы людей можно было сказать, что они *ralonpanibolalari* (дети такого-то) (причем называлось имя общего предка), браки в их среде считались категорически запрещенными.

Если попытаться раскрыть символику брачных обрядов в различных пунктах, то окажется, что они могут быть отнесены к одному из двух основных типов, генезис которых восходит к различным стадиям истории брака или представляет собою смешанную форму, включающую черты обоих типов.

Один из них, встечающийся наиболее часто, символизирует переход невесты в род жениха, уход ее из родного дома. При этом все обряды совершаются в доме жениха, там же происходит первое свидание молодых и начинается их сожительство. Таков брачный обряд в кишлаке Шахристане, описанный мною в небольшой работе, посвященной вопросам брака и свадебным обрядам в Шахристане.² Там в доме невесты совершается только мусульманский брак (*nikoh*) и происходит угощение, после которого жених, переодевшись в новые одежды, приготовленные ему матерью невесты, уходит к себе домой. Вскоре после этого везут туда и невесту. Перед отъездом невеста заходит в комнату, где происходило угощение и где по стенам были развешены вышивки из ее приданого. Там она садится на пол и плачет в голос, пока ее подружки снимают со стен вышивки и увязывают все приданое в узлы.

По прибытии в дом жениха невеста помещалась за свадебную занавеску (*similiq*) и проводила там всю ночь со своими подружками (*janga*).

На другой день устраивалось торжественное смотрение лица невесты (*rûbinon*), после чего стлали брачное ложе, сопровождая это соответствующими обрядами, и приводили жениха. Войдя за занавеску, он наступал ногой на правую ногу невесты, символизируя этим свою власть над ней. Затем он осыпал брачное ложе сладостями, которые наперебой подбирались присутствующими. После того как все посторонние уходили, в комнате оставались жених, невеста и ее подружки. Последние открывали лицо невесты, до того закрытое легкой белой материей, и давали им возможность увидеть друг друга в зеркале. Затем они заставляли жениха разглядеть обеими руками ряд на голове невесты, а также поглядеть ее косы. После этого они уходили, оставляя молодых наедине.

К этому же типу относится, очевидно, свадебный обряд узбеков г. Ташкента и их обычай *tortışmassaq* (перетягивания), состоявший в том, что родственницы жениха, с одной стороны, и родственницы невесты, с другой, образы-

¹ Букв. «занимает место».

² Некоторые вопросы брака и свадебные обряды таджиков к. Шахристана. Сборн. студенческого научного кружка, Ташкент, 1928.

вали цепь, брались за руки, и каждая сторона стремилась перетянуть противную к себе, причем состязание должно было окончиться непременно победой стороны жениха, символизируя переход невесты в род мужа.

Совершенно противоположная символика обнаруживается в свадебном обряде таджиков кишлака Исфары, записанном мною в 1925 г. в Ташкенте со слов таджика-исфаринца, пришедшего в Ташкент на заработки. По его словам, в Исфаре все свадебные обряды совершались в доме невесты, куда жених как бы переселялся на время свадьбы. Там же начиналось фактическое сожителство молодых, которые оставались в доме отца невесты три дня. Только по прошествии этого срока муж мог увести жену в свой дом, причем это делалось без особой пышности и особыми обрядами не обставлялось.

К явлениям этого же порядка следует отнести обычай, распространенный довольно широко, согласно которому молодая жена оставалась в доме своего отца год, два и больше и уезжала к мужу, уже имея иногда несколько детей. Этот обычай зафиксировала А. К. Писарчик в Бешарыке, где в богатых семьях молодая жена оставалась в доме своего отца до двух лет. Он практиковался также в кишлаке Сазагане (16 км от Самарканда), населенном узбеками. Он же описан в беллетристической форме писателем Джурабаевым в его романе «Хуррамбек». Генезис этого обычая, так же как и свадебных обрядов второго типа, весьма вероятно восходит к материнскому строю, когда муж переходил в род своей жены и поселялся в ее доме.

Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и его ближайших окрестностей (кишлаки Кусохо, Уташих, Ходжи-ахрор) представляют собою тип смешанный, включая в себя черты обоих типов, только что описанных. Значительная часть свадебных обрядов совершалась здесь в доме невесты, где происходило и первое свидание молодых, но невеста тут же отвозилась в дом жениха и уже там начиналось их сожителство.

В первый день свадьбы в доме невесты происходило угощение жителей ее гузара. Родственники жениха приходили уже под вечер. Сам жених являлся в сопровождении веселой толпы своих товарищей, окружавших его и скрывавших от родственников невесты, которым, по обычаю, он не должен был показываться все время от сговора и до торжественного приглашения его отцом невесты, через несколько дней после свадьбы.

На мужской половине происходило заключение мусульманского брака (nikoh), во время которого мать жениха или какая-нибудь другая пожилая родственница прошивала халат жениха на спине белыми нитками и осыпала жениха просом. Первое должно было сделать его брак прочным и счастливым (белый цвет, по поверью, приносит счастье), второе обеспечить его плодовитость.

По окончании обряда nikoh невесту, находившуюся до этого где-нибудь у соседей, одевали в белую рубаху, шелковые пестрые шаровары, завязки которых, так же как и завязки шаровар жениха, продевались при помощи палочки от плодового дерева, что должно было обеспечить плодовитость молодой четы. На ее голову повязывался белый платок. Поверх всего набрасывалась паранджа, но вместо черной волосяной сетки лицо закрывалось белой легкой тканью.

Под чтение благопожеланий, приветствий и молитв, известных под названием «Salom-poma», невесту вели в свадебную комнату и помещали в переднем углу, отделенном свадебной занавеской (similiq). Стены комнаты декорировались сплошь вышивками, изготовлявшимися к свадьбе и составлявшими одну из основных частей приданого невесты. Как показало изучение декоративной вышивки у населения Самарканда, результаты которого мною частично опубликованы,¹ назначением вышивок было служить магическими оберегами для

¹ К истории развития самаркандской декоративной вышивки. Журн. «Литература и искусство Узбекистана», книга шестая, Ташкент, 1937, стр. 119—134.

охранения молодых от враждебных духов и «злых» людей. Такое же назначение имел когда-то и орнамент вышивок, представляющий собою в ряде элементов условное схематическое изображение магических предметов и носящий их название.

Вскоре приходил и жених в сопровождении своих товарищей. Лишь очень строго хозяйки не пускали последних дальше входа во внутренний двор. Обычно же спутники провожали жениха к самым дверям свадебной комнаты, проникая таким образом на женскую половину, обычно недоступную для посторонних мужчин.

На пороге постился кусок материи, обычно белой, называвшейся «ројандоз» (подножие). Проходя в комнату, жених наступал на «подножие» и переминался с ноги на ногу, в то время как его товарищи наперебой стремились вырвать ткань из-под его ног. Она разрывалась ими на мелкие клочки, и каждый из молодых людей старался заполучить кусочек, так как обладание им, по поверью, должно было ускорить брак его обладателя.

Наконец, после веселой и шумной борьбы за «подножие» жених попадал в свадебную комнату. Его подхватывали родственницы и вели за свадебную занавеску к невесте. Женщина, руководившая всей церемонией, — обычно, приглашенная для этой цели чтица молитв *bexalfa*, иногда просто какая-нибудь опытная в таких делах старуха — обводила зажженными свечами или специальными обрядовыми светильниками *пйкса*¹ вокруг свадебной занавески и закидывала ее наверх. Затем она трижды обводила огнем вокруг голов новобрачных, отгоняя якобы таким образом злых духов, которые стремятся, улучив удобный момент, повредить жениху и невесте. Обезопасив их таким образом от угрожающей им беды, она приступала к самому важному моменту брачного ритуала. Сдвинув наверх кисею, закрывавшую лицо невесты, женщина, руководившая обрядом, давала возможность молодым увидеть друг друга в зеркале. Затем им приносили «сладкое» (*şirini*), чаще всего виноградную патоку, и жених, обмакнув в сладкую жидкость палец, облизывал его, а затем, обмакнув палец вторично, мазал губы невесты. Это должно было обеспечить им счастливую жизнь и расположить их сердца друг к другу. Затем жених брал руку невесты и надевал ей на пальцы кольца, количество и качество которых определялось его состоятельностью. В знак своей власти он наступал ей на ногу и клал руку на плечо. Иногда заставляли его погладить невесту по голове.

Вслед за тем приносили угощение — лепешки и сладости, и хозяйка, подойдя к дверям комнаты, приглашала жениха садиться, что делалось, обычно, в стихотворной форме. Жених присаживался на корточки, но угощения не ел. Тогда его закладывали ему за пазуху, и после короткой молитвы он вставал и уходил. Лишь только он показывался в дверях, на него налетали поджидавшие его мальчишки и наперебой выхватывали у него из-за пазухи сласти и лепешки.

Жених тут же отправлялся в свой дом. Его сопровождали товарищи. Двое из них держали его за руки, что делалось также для того, чтобы охранить его от влияния враждебных духов.

Тотчас после ухода жениха свадебная занавеска спешно срывалась, снимались со стен украшавшие их вышивки и все это отправлялось в дом жениха.

Невесту везли обязательно на лошади, свадебный поезд сопровождали факельщики. Яркое пламя факелов придавало свадебному поезду праздничность и торжественность и вместе с тем разгоняло ночную темноту, которая, как верили, таила опасности для новобрачных. Товарищи жениха распевали хором свадебную песню, состоявшую из отдельных куплетов, чередующихся с припевом: «*joğ, joğ, joğon-e*» («друг, друг, о друзья!»). Один из них танцевал на ходу под аккомпанемент пения и хлопанья в ладоши.

¹ Светильник *пйкса* готовился из камышинки или палочки, на которую наматывалась вата, обмакнутая в масло.

Перед домом жениха разводили костер, вокруг которого должна была трижды объехать невеста. С лошади ее снимал сам жених, нес к воротам и передавал собравшимся во дворе женщинам. Снова под чтение «Solom-noma» невесту вели в комнату, предназначенную для молодых. Невеста помещалась там за занавеской, которую уже успевали к этому времени повесить в переднем углу. В большинстве кварталов Самарканда невеста оставалась там всю ночь со своими дружками, в то время как женщины проводили ночь в плясках, песнях и шутках.

Однако кое-где, например в квартале Кук-мачит, танцы и песни не практиковались; женщины, поев приготовленного для них угощения, укладывались спать, и после полуночи к невесте приходил жених, который проводил с ней ночь под свадебной занавеской, причем, однако, он должен был вести себя сдержанно, за чем следили находившиеся около занавески дружки невесты.

На другой день происходило угощение в доме жениха. После полудня невесту одевали в лучшие одежды, сурьмили ей глаза, красили брови и выводили к гостям с лицом, закрытым куском белой ткани. Мальчик из числа родственников жениха снимал эту ткань палочкой от плодового дерева, и все родственницы жениха подходили по очереди к невесте, целовали ее в щеку и дарили ей что материи на платье, кто платок, а кто какую-нибудь домашнюю утварь. Явиться с подарком должны были все те, от кого скрывалась невеста после сговора. Обряд этот назывался «gūbinon» (смотрение лица).

После этого приносили снова угощение — лепешки и сласти, которые делились между присутствующими. Большинство гостей тут же уходило, оставались только близкие родственницы, которые стлали брачное ложе, складывая одно на другое все одеяла и тюфячки, имевшиеся в приданом невесты. Сверху постилалась расшитая простыня «gūji-šo», на подушки накидывалась специальная вышивка «bolinpiş», поверх одеял набрасывали большую вышивку «сузани». Все эти вышивки должны были быть сделаны на ткани белого цвета.

Когда брачное ложе было готово, на него ложились две старухи, одна — родственница невесты, другая — родственница жениха. Под шутки и смех присутствующих они изображали совместное спанье молодых, после чего притворялись спящими. Как бы проснувшись, они вели следующий диалог: «Я видела сон», — говорила одна из них. «Какой же вы видели сон?» — спрашивала другая. «Я видела сон, что на голове у меня — венец, в руках у меня — сокол». — «Венец ваш — это ваше богатство, сокол ваш — это ваш ребенок».

После этого старухи вставали с постели, и туда сажали всех ребяташек, которые находились в комнате. Это должно было сделать брак плодотворным. С этой же целью около постели новобрачных стлалась детская постелька, для которой специально готовилось маленькое одеяльце, тюфячок и подушечка.

На этом свадебные обряды заканчивались, вскоре приходил жених, все удалялись и молодых оставляли наедине.